

Мне кажется, её больше выматывала необходимость постоянно находиться в этом смерче агрессии.

Есть фильмы, где видно, как она промывает свежие раны, а за её спиной бездомные избивают только что перебинтованную жертву, и она вновь и вновь останавливает кровь и накладывает перевязки.

Переживает за них. Причём не только за тех, кому промывает перекисью разбитую голову, приводя в себя избитых только что людей. Но ей больно и за тех, кто это совершает здесь же, рядом с нею, пока она оказывает помощь.

Она рассказывала, как вполне благополучные молодые москвичи из обеспеченных семей писали ей в блог, что своей компанией отмузили именно ею обихожённых и накормленных бомжей. Чиновники делились с нею планами по стерилизации и тотальной зачистке Москвы от бродяг, чему, с их точки зрения, мешало кормление их на Павелецком вокзале и вообще всё это неподконтрольное волонтерство.

Насколько возможно, своим служением она превозмогала это окаменение во зло, поразившее все слои нашего общества до мозга костей. Но это всё же вокзал, это бездомные, это не смерть. Это синяки, кровоподтеки, может быть, выбитые зубы. Это страшно, но, когда эта злоба умножается на формат войны, артиллерийских обстрелов, на неизвестно кем выпущенные снаряды и мины, как тогда сохранить свой внутренний мир?

А ведь все это было там, на Донбассе. И надо было рядом с этим жить, и детей выносить, и работать с теми, кто только что, может быть, совершал бесчеловечные поступки, и при этом тебе же помогает сейчас спасать этих детей. Насколько можно остаться человеком, даже просто помогая, даже просто находясь рядом, в такой ситуации? Как не разочароваться в людях как таковых?

Маргарита Куклина: Я бы сказала, что в этом измерении Лиза стала даже более человеком, чем раньше. Она жила по своему внутреннему времени, несколько отстраняясь от нашей реальности.

Иеромонах Димитрий (Першин): Какой она была в общении? Легкой, тяжёлой? Смеялась, шутила, улыбалась?

Маргарита Куклина: Да, смеялась, улыбалась, но, безусловно, была довольно жёстким человеком. Мы прекрасно понимали, что её время было на вес золота. Даже когда она сидела в фонде, она все равно писала какие-то письма, что-то проверяла. Очень редко она могла себе позволить попить чай с кем-то и просто поговорить. И когда мы брали интервью, всё проходило достаточно жёстко, по делу: есть вопросы – нет вопросов. Думаю, что это пришло к ней именно за последнее время, потому что слишком много навалилось, слишком много она видела и пропустила через себя. Человек просто не может не измениться после такого.

Иеромонах Димитрий (Першин): Но с другой стороны, оказываясь рядом, люди начинали вдруг проявлять лучшие качества. Не сползали в дремучее болото, мерзость какую-нибудь, которая где-то в глубине сердца живёт и таится, а наоборот, старались быть лучше или проявить лучшее, что у них есть. Разные люди: и боевики, и ополченцы, и даже чиновники. Бомжи выражали ей свою любовь и переставали ругаться матом – по крайней мере, в её присутствии.

Маргарита Куклина: В фонде они всегда устраивали чаепития. По пятницам они обязательно кормили тех, кто хотел прийти. Там были и полубомжи, и какие-то полусумасшедшие. Но я заметила, что они успокаивались, потому что их тянуло туда. Да, у них была не совсем здоровая психика, может быть, но душа... Душа, она иногда пересиливает, и нас тянет куда-то, где нам будет хорошо, причём мы не всегда можем отдать себе в этом отчёт. Есть у меня в фильме Катя Огонёк, такой персонаж, это действительно городская сумасшедшая. У неё, как Лиза сказала, вероятно, шизофрения. Она – бомж. Но при этом с ней приятно беседовать. Не знаю, почему...

Иеромонах Димитрий (Першин): Эти люди часто не попадают ни в какие категории, не относятся к тем, кому помогает государство, а им нужен дом. Нужен тот, кто их услышит. А Лиза находила для них место в своём сердце, как и сотрудники её фонда. И вокруг неё такие люди отогревались и обретали свой подлинно человеческий лик.

При этом не секрет, что она курила. Могла иной раз кого-то так на место поставить очень жёстко. Владела всеми богатствами русского языка. Думаю, в какой-то ситуации это был единственный способ добиться результата. Но в результате даже люди, которых она ставила на место, потом ей были очень благодарны.

Ещё одна грань – она всем доверяла. Её иногда подводили. Редко, но бывало. Обманывали... Или просто, знаете, подстраивали какие-то такие мелкие пакости. В одной из передач она рассказывает, как им под дверь кто-то наложил кучу дерьма. Как вынесли из её фонда всё оборудование. В том числе базу данных. Она не представляла собой ценности, это просто была такая бесовская одержимость. Иные граждане поливали – и сейчас продолжают – её в письмах и в сети интернет грязью так, как будто канализацию прорвало.

Но в ответ она не озлоблялась. У неё не было ответной не то, что злобы, даже желания такой мстительной справедливости: вот пусть им тоже плохо будет. Нет, она к этому относилась очень терпеливо и никак не отвечала ни на угрозы, ни на наезды, ни на клевету. Хотя, конечно, удивлялась весьма.

Фото: Wikimedia Commons / Andrew Butko

Мы до сих пор не можем поверить

Иеромонах Димитрий (Першин): Сама Лиза постоянно говорила, что она сама, во-первых, боится смерти, а во-вторых, не знает, как будет сама умирать. «Я обманываю своих пациентов, потому что я им говорю, что всё будет хорошо, что это не страшно. А я же не знаю, – так она говорила. – Я не знаю, как мне будет умирать, какой будет смерть – быстрой, мгновенной,

лёгкой, короткой, или это будут страдания и мучительная боль?»

Потому что она этой боли, этих страданий столько увидела, что, конечно, проецировала на себя возможность такого протяжённого исхода из земной жизни. И мне кажется неслучайным, что её смертный час действительно был впрессован в несколько секунд. Ведь самолёт поднялся более или менее нормально, аварийная ситуация началась не сразу. Он всё-таки успел набрать высоту. Небольшую высоту, несколько сотен метров. А потом что-то случилось, и хвост стал уходить вниз. Может быть, груз какой-то съехал, который был плохо закреплён во время этой странной дозаправки. Так или иначе, вся эта история – это буквально мгновения.

Маргарита Куклина: Я думаю, что Лиза, конечно, не боялась, но она не хотела для себя долгой мучительной смерти.

Иеромонах Димитрий (Першин): Это был момент, некий отрезок, когда все понимали, что всё – и уже сделать ничего нельзя, потому что он летел под тем углом, из которого такой самолёт уже не может выйти на такой высоте. Я думаю, что в её сердце был вопрос не столько о ней, сколько о тех, кто с ней летел, о том, что она делает, о тех, кто ждет её груз там в Сирии. О тех, кто остается здесь, и обо всех незавершённых делах. Мне кажется, в этом были последние мгновения жизни. Дети, близкие люди, как будет с ними? То есть опять, она не в себя смотрела, а к этим людям, мне кажется, её сердце было обращено. И, может быть, поэтому ответно так вся страна плакала и переживала.

И ещё один момент: вы говорите, Бог забрал, а вот Лиза бы с этим не согласилась.

Забирает смерть. Именно её апостол Павел называет врагом, окрыляя нас надеждой, что «последний враг истребится – смерть».

Именно потому, что смерть – последний враг, Христос, войдя в дом, где умер Лазарь Четверодневный, человечески плачет о нём, скорбит и сострадает. И поэтому же Он, как Бог, воскрешает его. Поэтому ответом Бога на смерть Лизы была Голгофа. Это Его ответ и на нашу смерть, коль скоро мы все умрём когда-то, в какой-то момент, либо, может быть, если Второе Пришествие случится раньше, изменимся, преобразимся. Бог на Крест идёт, чтобы Доктора Лизу – и чтобы каждого – ввести в воскресение. Так что забирает не Господь. В этом случае – чья-то халатность.

Бывает нужно мизерное участие, чтобы спасти чью-то жизнь. Или чтобы жизнь завершилась не в муках, в страданиях, в агонии, в крике, в горе, слезах, но мирно и с минимальными страданиями.

Лиза очень горевала о том, что мы не понимаем этих очень простых вещей. Но я надеюсь, что, может быть, её смерть всколыхнет общество и всё же позволит достучаться до наших верхов. И осуществится её мечта о неонкологических хосписах для очень многих больных со смертельными заболеваниями.

Такого рода святость встречается

– Почему о Докторе Лизе так много говорят нехорошего?

Иеромонах Димитрий (Першин): А давайте вспомним, что говорили про Христа Спасителя. Какими Его носили словами и во время казни, и до казни, и после, и поносят сейчас? А что рассказывали про отца Иоанна Кронштадтского? Как он в золоте купается... Мало кто знал, что всё, что к нему приходило утром, вечером он раздавал. С другой стороны, какие-то роскошные подарки он считал нужным надеть, чтобы не обидеть дарителя невниманием. И ведь к нему обращались за помощью не только христиане, а мусульмане и иудеи – и получали её.

Доктор Лиза, отметим, опрятно одевалась, у неё были довольно дорогие вещи, купленные за счёт семейного бюджета. И эта опрятность, эта красота – внешний вид – это тоже была форма терапии, ведь для измороженного жизнью или болезнью страдальца бывает важно увидеть рядом с собой человека, который не в рванине какой-то, не в мешковине пришёл, а одет как надо.

И конечно, Лиза не помещается в наши головы, чем и раздражает. Потому что очень хочется жить так же, как мы жили. А уже невозможно.

И нам проще натянуть свиное рыло на Лизу, чем самим изменить свою жизнь.

Поэтому жизнь Елизаветы Петровны Глинки – это вызов. Причём не первый в русской истории. Не случайно в воскресенье под погребение Доктора Лизы наша Церковь вспоминала память святой Иулиании Лазаревской, праведной женщины, жившей на Руси в те самые смутные тяжёлые времена Ивана Грозного и Бориса Годунова. Чем она прославилась? Добротой. Она тоже обо всех заботилась, кормила в неурожайные годы голодных, помогала страждущим. Растратила на это всё имение. Однако она не совершала каких-либо стояний на камнях, не несла тяжёлые посты. У неё были дети. Но она просто делилась со всеми тем, что у неё было, и была прославлена в лике святых.

Вот почему я бы не согласился с теми, кто говорит, что вопросы канонизации Доктора Лизы решаются не в политических коридорах, что это не награда, и что вообще это выяснится лишь когда-нибудь потом. Я не знаю, что мы увидим, и что история увидит в подвиге Елизаветы Петровны Глинки. Но я хочу сказать, что такого рода святость в святцах встречается. Что люди, которые жили так и были прославлены как святые, есть. Может быть, иной была их внутренняя жизнь, но об этом не мне судить.

Лиза, безусловно, положила свою душу за обездоленных людей русской и украинской земли. Она явила иной образ бытия. И я думаю, что только этот путь, пройденный ею, может привести нас к миру. Всех, на любой земле живущих. Если мы этот внутренний путь сами не пройдем, никакими политическими рескриптами ничего не удастся изменить по существу. Её жизнь – это послание, и оно адресовано нам.

(печатается в сокращении)

<http://www.pravmir.ru/doktor-liza-nepomeshhaetsya-v-nashi-golovy-chem-i-razdrazhaet/>